

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

*Дело о поджогах
в Анапе*

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Редактор серии *Л. Латышова*

Художественный редактор *С. Курбатов*

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Дело о поджогах в Анапе / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-246864-3

Второй день долгожданного отдыха в залитой солнцем Анапе начинается для Татьяны Ивановой не с чашки идеального эспresso и морского бриза. В городе завелся «серийный убийца»... электросамокатов. Каждую ночь на пустой набережной неизвестный клеймит новый самокат сети «Стримлайн» и сжигает дотла.

У Татьяны есть всего пять дней до официального открытия сезона, чтобы остановить поджигателя, пока курортный рай не превратился в пепелище. Но чем глубже она погружается в это дело, тем отчетливее понимает: за глянцевым фасадом успешного бизнеса и политических амбиций прячутся тени прошлого, сломанные судьбы и месть человека, у которого отняли все.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М.С., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-246864-3

ПРОЛОГ

Широкая бетонная лента набережной была пуста. Она протянулась вдоль спящего моря, поблескивая под редкими фонарями, вкрученными в чугунные столбы. Свет ложился на плитку неравномерными желтыми кругами, оставляя между ними провалы чернильной темноты. Где-то далеко, за поворотом, бубнил бас из ночного клуба — глухой, ритмичный гул, больше похожий на землетрясение где-то под землей. Здесь же стояла тишина, нарушаемая только редким плеском волны о бетонный откос да шелестом полиэтиленового пакета, гоняемого легким ночным бризом.

В одном из таких кругов света, точно на сцене, стояла новая партия. Десять электросамокатов «Стримлайн», выстроенных в идеально ровную линию у ярко-синего павильона, с наклейками «Совершенство мобильности!». Их рули, сложенные для транспортировки, напоминали склоненные головы. Гладкие корпу-

са цвета металлик отливали холодным блеском под фонарем. Они излучали визуальное ощущение новизны: отсутствие царапин на алюминиевых подножках, заводская пленка на дисплеях, нестертые наклейки с предупреждениями. Они были готовы к утру, к потоку курортников, к веселой суете проката. Символ успешного, отлаженного бизнеса в самом сердце курортной инфраструктуры.

Из темноты между фонарями вышла фигура.

Она двигалась не спеша, без суеты вора. Просто шла вдоль линии самокатов, как инспектор, проверяющий караул. Остановилась между третьим и четвертым. Они ничем не отличались от остальных. Может, чуть ближе к фонарю.

Рука в протертой на ладони и указательном пальце рабочей перчатке темно-синего цвета поднялась и замерла на секунду. Затем пальцы сжались в кулак. В перчатке было что-то твердое, металлическое. Кулак опустил на блестящий алюминиевый корпус четвертого самоката над задним колесом.

Резкий, сухой, рвущий тишину скрежет металла по металлу прокатился по набережной, отчетливей далекой музыки. Звук был настолько противоестественным в этой картинке курортного благополучия, что даже море, казалось, затихло на миг. На идеальной поверхности осталась глубокая, рваная борозда, обнажившая матовую серую подложку. Перчат-

ка провела еще раз, уже без усилия, будто проверяя качество работы. Стружка металла завилась спиралью и упала на асфальт.

Фигура не оглянулась.

Из складок темной куртки была извлечена небольшая канистра, литра на полтора. Пластиковая, синяя, бытовая. Действие стало чуть более сосредоточенным. Перчатка открутила черную крышку канистры — та щелкнула, поддавшись. Над горловиной в свете фонаря заколебалось прозрачное марево. Фигура наклонила канистру, и струйка жидкости, толстая и медленная, блеснула желтым под светом, прежде чем заполнить горловину и перелиться через край. Она потекла по алюминиевому корпусу третьего самоката, собираясь в лужу на пластиковой подножке, а затем тонкими ручейками устремилась к асфальту, рисуя темные маслянистые полосы.

Канистру поставили рядом, аккуратно, чтобы не упала. Достали коробок. Обычную картонную коробку спичек с синим наконечником. Фигура отошла на шаг, оценивая расположение дорожки. Раздался сухой щелчок отрыва спички от блока, затем легкое шуршание серной головки о боковую полосу.

Вспышка была короткой, яростной и ослепительной в темноте. Она выхватила из тьмы на долю секунды только одну деталь: ту самую перчатку на вытянутой руке, протертую на костяшках пальцев, с туго затянутым ремешком

на запястье. Больше ничего — ни лица, ни силуэта, только рука, держащая крошечное пляшущее пламя.

Пламя наклонилось и коснулось тонкой струйки жидкости, что успела стечь с подножки на землю.

Огонь не вспыхнул — он побежал. Рыжим хищным зверем, с резким, чадающим шипением. Он помчался по темной дорожке обратно к самокату. Добежал до лужицы на пластиковой подножке — и та вспыхнула ослепительным, почти белым пятном. Через миг огонь, словно найдя русло, взметнулся по алюминиевой стойке руля, облизывая наклейки и превращая их в черные хлопья пепла.

Теперь свет был постоянным, тревожным, живым. Жар волнами накатывал на фигуру, стоящую в двух метрах. На темной ткани куртки заиграли блики.

Алюминиевая рама почернела от копоти. Металл в месте крепления вилки потерял жесткость, и переднее колесо под собственной тяжестью медленно наклонилось в сторону. Сварные швы на стыке рулевой колонки проступили наружу темными растекшимися линиями.

Огонь добрался до аккумулятора.

Сначала раздалось короткое, сердитое шипение. Фигура инстинктивно отвела голову, но не отступила.

Первый хлопок был резким, как удар кнута. Из-под деформированной подножки вырвался

сгусток белого дыма. Второй — глуше, из корпуса самоката. Остов дернулся, от него отлетела почерневшая пластиковая крышка, ударившись о павильон.

Яркая вспышка осветила набережную на секунду дневным светом — и погасла, оставив тлеть груды мусора. То, что минуту назад было «Совершенством мобильности», теперь представляло собой скрюченный, обугленный скелет из алюминия. Резина колеса сгорела почти полностью, обнажив деформированный обод. От пластика остались лишь черные, оплавленные наплывы, свисающие с рамы. Дисплей, покрытый паутиной трещин, все еще отражал отсветы тлеющих угольков.

Фигура наблюдала до конца. До того момента, как последний резкий щелчок аккумулятора отзвучал и на набережной воцарилась новая тишина, нарушаемая теперь только потрескиванием металла, остывающего в ночном воздухе, и далеким, все тем же равнодушным гулом музыки.

Она не повернулась и не побежала. Просто развернулась на месте и медленно пошла прочь вдоль берега, не ускоряя шага. Ее силуэт растворялся в темноте между фонарями — сначала стал размытым, потом просто силуэтом, затем слился с общей массой ночи.

На асфальте остался первый черный, дымящийся след. Искореженный алюминиевый остов в луже расплавленного пластика, обго-

ревшая канистра, клочья копоти. И глубокая, зияющая царапина на соседнем самокате — проведенная с силой, с намерением.

Курорт спал, притворяясь, что ничего не происходит. Море равнодушно лизало бетон. Музыка в клубе была в бессознательное танцующих. А на набережной теперь лежал труп... самоката...

ГЛАВА 1

Второй день отпуска. Состояние промежуточное: тело уже расслаблено солнцем и непривычным бездельем, а мозг, этот неутомимый скрипач, все еще играл на остаточных нервах прошлых дел. Он, конечно, замедлил темп — не бешеный ритм симфонии номер три, а скорее фоновый, раздражающе приятный джаз. Но он играл. И вместо того, чтобы видеть море, я видела чемоданы.

Лобби отеля «Амфитрита» было создано для того, чтобы чемоданы были красивыми. Или, точнее, чтобы их не замечали вовсе. Высокие потолки с лепниной — такие лепнины я уже видела в ресторанах, где цена в меню не соответствует качеству еды, — давили на уши тишиной. Мрамор пола — холодный, молочный, с прожилками серого, как дорогой сыр, — отражал мягкий свет от хрустальных люстр, но не бликовал назойливо. Это была не просто отделка. Это был барьер. За толстыми стеклами па-

норамных окон клочкотала южная жара, пыль, гомон таксистов и разноцветные палатки с кукурузой. А здесь царил тихий, кондиционированный рай с температурой ровно двадцать два градуса и ароматизатором, который менеджер гордо называл букетом белых цветов и свежемолотого кофе. Кондиционеры жужжали ровно, на одной ноте. Воздух — чистый, стерильный, без запахов.

Я сидела в глубоком бархатном кресле, потягивая эспрессо из крошечной чашки. Правильный эспрессо — густой, с плотной золотистой пенкой, без кислинки и без пыли от дешевых зерен. За деньги, что я заплатила за него, они хотя бы не опозорились. На низком столике передо мной лежала шляпа. Огромная, соломенная, с черной шелковой лентой. Мой щит от мира и одновременно маяк. «Смотрите, я здесь отдыхаю, — говорил мой наряд. — Не трогайте меня».

Наряд я выбрала под статью: белоснежные шорты из плотного хлопка, которые не мялись и сидели так, будто их на мне вылепили. Сверху — шелковая блуза цвета, который продавец в магазине назвал «морская волна после шторма». Дорогая ткань струилась свободно, но ловила каждый изгиб тела, когда я двигалась. Она была расслабленной только на вид. Как и я. Сандалии из кожи питона, купленные в прошлом сезоне в Милане, завершали картину. Картину богатой бездельницы, чей самый

сложный выбор сегодня — между тапас с креветками и хамоном.

Я наблюдала. Привычка, которую не выключить тумблером.

Проходящие мимо пары: он, красный от солнца, в новой полосатой рубашке, она — в парео, наспех накинутом на купальник. Он несет два коктейля в бокалах-сундуках, лицо его выражает сосредоточенную гордость добытчика. Она смотрит в телефон. Их история читалась за пять секунд: брак, дети остались с бабушкой, он пытается вспомнить, как это — быть вдвоем, она уже заказала на маркетплейсе новое платье и думает, как бы сбежать на процедуры в спа. Эмоциональный диссонанс, приправленный сладким сиропом из стаканчика.

Рядом промелькнула деловая группа: три человека в рубашках с коротким рукавом, но в брюках. Двое нервно улыбаются третьему, который что-то говорит, жестикулируя. Покупка, продажа, партнерство — деловой обед на курорте, маскирующийся под отдых. У всех троих одинаковые кожаные ремешки на часах — не самые дорогие, но солидные. Корпоративный стандарт. Менеджеры среднего звена, решившие, что солнце и море сделают переговоры мягче. Ошибаются. На жаре инстинкты обнажаются быстрее.

Именно в этот момент, когда мой внутренний сканер перебирал очередную порцию ку-

рортного человеческого материала, я заметила его. Он вошел не через главные двери — те, что выходили на залитую солнцем улицу, — а из теневого коридора, ведущего, судя по всему, от служебного входа или парковки. Мужчина лет пятидесяти, в светлых льняных брюках и рубашке поло отличного кроя, но слегка помятой, будто он провел в ней несколько часов в машине. Его лицо было знакомо. Не лично, а медийно. Семен Камов. Мэр Анапы.

Его фигура не несла в себе расслабленной курортной энергии. Он двигался целеустремленно, но с легкой, едва уловимой неуверенностью — как человек, который ищет что-то в незнакомом месте. Взгляд скользнул по стойке администратора, по гостям в креслах, задержался на группе менеджеров, и в глазах мелькнуло раздражение — нет, не те. Потом этот взгляд нашел меня.

Нашлись мы глазами. Он не смотрел прямо — скорее зафиксировал, сверил с мысленным изображением и принял решение. Походка стала увереннее. Я сделала еще глоток кофе, поставила чашку на блюдце с тихим, но отчетливым звоном фарфора. Предупреждение для самой себя: игра начинается.

— Татьяна Александровна?

Его голос был ниже, чем в телеэфирах, и суше. В нем не было привычной округлой бархатистости политика. Был усталый напряг. Я медленно подняла взгляд, дав ему понять, что втор-

жение в мое личное пространство, отмеченное шляпой и чашкой эспрессо, требует обоснования.

— Да. А вы меня, простите, откуда знаете?

Голос я сделала легким, слегка удивленным. Игра в недоступную на отдыхе женщину. Он замер на секунду, удивившись. Политики привыкли, что их узнают.

— Мне... посоветовали. Коллеги из Тарасова. Говорят, вы решаете сложные вопросы.

Он произнес это с такой осторожностью, будто слова «сложные вопросы» были заминированы.

— Коллеги из Тарасова, — повторила я задумчиво. — Удивительно. Я тут всего второй день. И, как видите, нахожусь в состоянии глубокого ничегонеделания. Вы не ошиблись номером?

Я улыбнулась. Улыбка была холодной, вежливой и не оставляющей сомнений: я не хочу разговаривать. Стандартный прием — отшивание. Заставь собеседника проявить настойчивость, и он раскроет свою истинную заинтересованность.

Камов не сел. Он стоял, и я видела, как пальцы его правой руки слегка постукивают по шву брюк. Нервный тик. Хорошо.

— Я понимаю, что отрываю вас от отдыха. Поверьте, по-другому не могу. Ситуация... критическая. Мне нужен профессионал. Скрытный профессионал.

Он сделал ударение на слове «скрытный». Ключевое слово для моего мира. Оно означало: денег не жалко, но чтоб никто не знал. Я вздохнула, сделала паузу, рассматривая его. Он пытался держать лицо — спокойное, уверенное лицо хозяйственника, заботящегося о вверенном ему городе. Но глаза его бегали. Не по сторонам, а куда-то внутрь, к каким-то своим внутренним чертикам. И когда он сказал «критическая», левый уголок его рта дернулся вниз, почти невидимо. Микровыражение. Миг, за который человек не успевает надеть маску. Страх. Не тревога, не озабоченность — именно страх.

— Присаживайтесь, — сказала я наконец, кивнув на кресло напротив. — Но предупреждаю: я не журналист, не психолог и не в общественной приемной. И мое время стоит денег. Даже на курорте.

Он сел, чуть расслабившись, но не полностью. Откинулся в кресле, но корпус подался вперед. Хочет казаться расслабленным, а сам сжатый — как пружина перед прыжком.

— Это я понимаю. Пять дней, — выпалил он. — У вас есть пять дней, чтобы разобраться в одной... неприятной истории. Я заплачу. Ваш стандартный гонорар, я узнал. Плюс все расходы.

— Пять дней на что? — спросила я, не меняя тона. — И главное — начиная с чего? Вы еще даже не сказали, в чем дело.

Он обвел взглядом лобби, убедился, что никто не находится в непосредственной близости. Наш угол под огромной финиковой пальмой в массивной бетонной кадке был идеальным укрытием. Листья создавали полупрозрачную ширму, сквозь которую нас было плохо видно окружающим.

— Поджоги, — прошептал он, хотя в этом не было необходимости. — Электросамокатов. Прокатных. Уже семь штук за неделю. Каждую ночь. Все — одна сеть, «Стримлайн». Самые новые модели.

В голове уже щелкали цифры: ущерб, сроки, гонорар. Ущерб? Небольшой для такого бизнеса. Страховка покроет. Репутационный удар? Да, неприятно, но не смертельно. Почему мэр лично, тайно нанимает частного детектива из другого города?

— Полиция? — бросила я.

— Работают.

Он махнул рукой, и в этом жесте было столько презрительного раздражения, что я чуть не присвиснула.

— Формально. Составляют протоколы, опрашивают свидетелей, которых нет. Они ищут подростков-вандалов или конкурентов. Стандартная схема. Это... это не то.

— А что то? — спросила я мягко.

Он посмотрел на меня. И в этот миг маска хозяйственника сползла полностью. В его глазах было чистое, немыслимое для человека на такой должности отчаяние.